

УДК 94(47+470.44–25)|18|

Записки саратовских добровольцев – участников Сербо-турецкой войны 1876 г. как исторический источник

О. В. Кочукова

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена участию добровольцев из Саратова в Сербо-турецкой войне 1876 г. Анализируются тексты записок саратовских добровольцев, опубликованных в издании региональной прессы «Саратовский справочный листок». Выявляются социально-психологические и политические мотивы добровольцев, восприятие ими ситуации на Балканах и эволюция их настроений от момента отправки из России до непосредственного участия в боевых действиях и возвращения с войны.

Ключевые слова: Сербо-турецкая война 1876 г., славянское национально-освободительное движение, военное добровольческое движение, общественное мнение в России, региональная пресса, Саратовская губерния, «Саратовский справочный листок».

Поступила в редакцию: 25.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Notes of Saratov Volunteers – the Participants of the Serbian-Turkish War of 1876 as a Historical Source

O. V. Kochukova

Olga V. Kochukova, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kochukovasgu@mail.ru

The article is devoted to the participation of military volunteers from Saratov in the Serbian-Turkish war of 1876. The author analyzes the texts of the notes of the Saratov military volunteers published in the publication of the regional press “Saratov fact sheet”. The article reveals the socio-psychological and political motives of military volunteers, their perception of the situation in the Balkans and the evolution of their sentiments from the moment they were sent from Russia to their direct participation in the hostilities and return from the war.

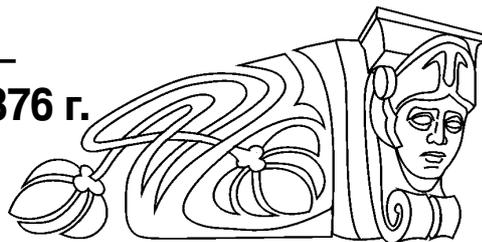
Keywords: Serbian-Turkish war of 1876, Slavic national liberation movement, military volunteer movement, public opinion in Russia, regional press, Saratov province, “Saratov fact sheet”.

Received: 25.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>

Применительно к событиям 1875–1878 гг., связанным с ростом национально-освободитель-

ного движения славянского населения Османской империи, в исторической науке обычно применяют термин «Великий Восточный кризис» или «Балканский кризис». Ключевая роль в разрешении этого кризиса принадлежала России, причем собственно военной стадии конфликта (Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) предшествовал довольно длительный (1875–начало 1877 г.) период использования дипломатических мер, средств информационной политики, тактики непрямого воздействия на ход событий посредством общественного мнения в России и за рубежом, гуманитарных и благотворительных акций среди православного славянского населения Балканского полуострова. К 1876 г. относится беспримерная акция массового участия добровольцев из России в Сербо-турецкой войне.

«Великий Восточный кризис» был вызван подъемом национально-освободительного движения на Балканах. В 1875 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине, а в 1876 г. – в Болгарии. Апрельское восстание в Болгарии было подавлено с небывалой жестокостью, и «турецкие зверства» стали самой волнующей темой европейских известий. Весь 1876 год общественное мнение в России было захвачено заветной мечтой об освобождении «братьев-славян», и славянская тема не покидала страниц периодической печати. На пике популярности оказалась деятельность Славянских комитетов и пламенная агитация их лидера И. С. Аксакова. Славянские комитеты стали распространять по всей России печатные воззвания с текстами, подобными следующему, сохранившемуся в одном из фондов Государственного архива Саратовской области: «Турки озлоблены тем, что восстание не прекращается, а напротив, заносится из области в область, и не хотят или не умеют понять, что оно и не может прекратиться, пока они остаются все теми же вероломными ненавистниками христиан... До шестидесяти тысяч мирных жителей в короткое время преданы самым ужаснейшим видам смерти и кровь их понапрасну вопиет к турецкому правосудию, нимало не смущающемуся заступничеством за христиан долготерпеливой Европы... Пора, наконец, не дозволять обольщать себя европейскими баснями о славянах, которые будто бы до того оступели, что даже и немного чувствуют, когда их кидают в огонь или сажают на кол! Пора, доучившись, хоть поздно, вразумить и других, что славянское дело – святое и разумное дело, на которое стоит жертвовать. Люди,

горячо верующие в Бога, пусть делают ради Его святых слов, что все одинаково Его дети и между собой братья. Люди, беспрестанно толкующие о человечестве, его преуспейнии, о благих плодах образованности, пусть поймут, наконец, что все это лишь слова, если можно равнодушно сносить то, что делается теперь на востоке. Если Запад фарисейски сует на вид эти выпретенные слова и в то же время, на деле пропитанный себялюбием, преспокойно их попирает ногами, то пусть же их снова поднимем мы, – младшие в европейской семье, пусть спасут ее образованность от позора и поругания. Люди русские, не теряйте времени. Проникнитесь все одним чувством, одною мыслью, жертвуйте, кто сколько может и хочет, только жертвуйте все и каждый»¹. В пользу славян собирались денежные средства, а затем русские добровольцы отправились на Сербо-турецкую войну в сербскую армию, возглавленную генералом М. Г. Черняевым. Желавших пожертвовать деньги или личные вещи угнетенным православным славянам или даже отправиться на Балканский полуостров и бороться за их освобождение с оружием в руках, пролить за них собственную кровь, было значительное количество.

Участие русских добровольцев в Сербо-турецкой войне в отечественной историографии представлено немногочисленными специальными исследованиями Л. В. Кузьмичевой², И. М. Григорьева³, С. А. Кочукова⁴, А. Ю. Шепелевой⁵ и другими, но в исторических источниках, прежде всего мемуарных, оно отражено достаточно полно⁶. Следует предположить, что более пристальное внимание историков к запискам добровольцев будет способствовать постановке и решению целого ряда вопросов, таких как мотивы участников добровольческого движения, способы формирования его организационных центров, его историческое значение и судьбы добровольцев. Яркие и «живые» свидетельства непосредственных участников добровольческого движения, оставленные людьми с очень разными взглядами, принадлежавшими к различным социальным слоям общества, разнообразны по жанровой форме и внутреннему содержанию (от путевых очерков до попыток создания аналитических обзоров). При этом наименее известным остается региональный материал: можно только догадываться, сколько такого рода записок, составленных добровольцами из разных губерний Российской империи, может ждать своего исследователя в архивных фондах и публикациях региональной печати второй половины XIX в.

Отдельного внимания заслуживают записки саратовских добровольцев-участников Сербо-турецкой войны, прежде всего, потому, что в Саратове в силу разных причин развернувшееся в середине 1870-х гг. по всей России общественное движение в поддержку южных славян приобрело значительные масштабы и имело достаточно хорошую организацию.

Известный общественный деятель Саратова И. Я. Славин в 1911 г. написал небольшую заметку «Памяти саратовских добровольцев» в газету «Волга»⁷. Это была попытка откликнуться на 35-летний юбилей Сербо-турецкой войны и участия в ней добровольцев из России. Автор называл добровольцев «русскими жертвами славянской войны», чрезвычайно высоко оценивал их подвиг борьбы и смерти многих из них «за други своя» и сожалел, что история добровольческого движения 1876 г. в Саратовской губернии еще не написана. К сожалению, ситуация не изменилась за целое прошедшее столетие.

И. Я. Славин в своей заметке сообщал о судьбах трех лично ему хорошо знакомых добровольцев, отправившихся в Сербию еще в начале войны, то есть летом 1876 г. и погибших в самом начале боевых действий. Среди них был сотрудник газеты «Саратовский справочный листок» Евгений Коровин, присылавший в это издание свои корреспонденции. Именно данное издание местной печати представляет особый интерес для исследователей в направлении поиска источников о саратовских добровольцах 1876 г. В «Саратовском справочном листке» в конце 1876 и в течение всего 1877 г. было опубликовано в общей сложности 5 текстов участников добровольческого движения. Это записки Е. Коровина «На пути в Сербию»⁸, Н. Серафимовича «С театра войны. Из записной книжки волонтера»⁹, священника Н. П. Горизонтова «На пути в Сербию и обратно»¹⁰, а также небольшие по объему и не имеющие подписи «Записки добровольца»¹¹ и «Письмо добровольца из Саратова»¹². Самый обширный и отличающийся внутренним единством и стройностью текст в жанре путевых очерков создан Н. П. Горизонтовым (печатался в девяти номерах «Саратовского справочного листка»). Он представляет собой обработанные автором исходные записки дневникового характера. Записки Е. Коровина с самого начала предназначались для публикации в «Саратовском справочном листке» и написаны в жанре газетной корреспонденции с места событий. Внешняя форма записок Н. Серафимовича выдержана в эпистолярном жанре, а письма имеют точную датировку.

Информативная ценность опубликованных в «Саратовском справочном листке» записок добровольцев определяется тем, что их содержание имеет значение в плане постановки и решения целого ряда исследовательских задач. Среди них: определение способов и центров организации добровольческого движения в России в период Сербо-турецкой войны 1876 г.; понимание социально-психологических и политических мотивов добровольцев; восприятие русскими добровольцами ситуации на Балканах и эволюция их настроений от момента отправки из России до непосредственного участия в боевых действиях и возвращения с войны.

Уже первые строчки записок саратовских добровольцев проясняют вопрос об их личных мотивах, которыми они руководствовались в принятии решения об отъезде в Сербию на войну за свободу славян. Е. Коровин, Н. Гризонт и Н. Серафимович в качестве ведущего мотива называют сочувствие угнетенным славянам, вызванное, прежде всего, чтением газет. На страницы их записок из газетных очерков 1875-1876 гг. перешли яркие и возмущающие сознание образы сожженных городов и сел, бегущего от репрессий населения, жестоких казней героев славянской борьбы за свободу. Мотивы гуманности и человеколюбия соединялись с распространенным в тот период идеологическим посылом об освободительной миссии России в отношении славянских народов. Так, священник Н. Горизонт прямо сообщил о воздействии на него газетных сообщений о балканских событиях: «... Не мог я относиться хладнокровно к свершающимся событиям, - и событиям, которым суждено, может быть, окончить тот вековой вопрос, разрешения которого так давно желает русский народ»¹³. Е. Коровин формулировал близкую по содержанию мысль: «Я еду, чтобы как можно больше увидеть, чтобы составить себе верное понятие о войне двух народов – не двух армий, но двух народов, то есть славян и турок. Я желаю увидеть войну на жизнь или смерть, какой обыкновенно и бывает народная война, всегда упорная с каждой из воюющей сторон, всегда не лишенная геройства с той и другой стороны»¹⁴.

Общие, признаваемые всеми участниками добровольческого движения, мотивы, разумеется, дополнялись конкретной спецификой отдельно взятой человеческой ситуации или личности. Так, специфический мотив Е. Коровина был мотивом корреспондента газеты: «Прощай, Саратов! Но зачем я еду? – Я еду корреспондентом, и все тут, и пусть читатель видит во мне ни больше, ни меньше. Я еду как можно больше увидеть... Я желаю услышать свист пуль, стоны раненых, радостные клики победителей, проклятия побежденных, словом, я желаю узнать, как живет на свете война... и хочу рассказать своим землякам»¹⁵. Специфический мотив Н. Горизонтова был связан с его священническим саном: после прочтения воззвания о помощи сербского митрополита Михаила он стал собирать в своем приходе пожертвования в пользу православных славян, а затем решил и сам отправиться в Сербию¹⁶. Специфический мотив Н. Серафимовича – это мотив человека военного, профессиональная жизнь которого была связана с поиском военных подвигов и тяготением к военной повседневности: «... Меня так и тянуло туда, где гремели орудия, где раздавалась ружейная трескотня, хотелось попробовать новых ощущений, хотелось стать грудью против неприятеля»¹⁷. Следует отметить, что озвученный Н. Серафимовичем мотив отъезда на Сербо-турецкую войну был характерен для

очень многих русских добровольцев; его можно было бы понять в качестве «экзистенциального» поиска опасности и героизма как способа придания смысла личному существованию и ухода от обесмысленной обыденности.

Саратовские добровольцы в своих записках сообщают немаловажные детали отправки на Сербо-турецкую войну, проясняющие вопрос о способах и центрах организации добровольческого движения в России. Общеизвестно, что ключевая роль в этом отношении принадлежала Славянским комитетам. К центрам этой общественной организации (в Москве, Петербурге, Одессе), действительно, вели все дороги, которыми двигались добровольцы со всей России, но записки добровольцев показывают более сложную картину реальности, в которой было гораздо больше «действующих лиц», чем принято представлять. В самом деле, что должен был делать человек, решивший отправиться воевать в Сербию: куда и на какие средства он должен был ехать, к кому обращаться за помощью в оформлении документов при отправке за границу и т. п.?

В начале войны, то есть летом 1876 г., в Сербию отправлялись отдельные лица, по своему личному почину и, как правило, на свои средства. Именно так отправились в Сербию Е. Коровин и Н. Горизонт, хотя и следует предположить наличие финансовой помощи одному из них со стороны редакции газеты, а другому – со стороны церкви. Интересно заметить, что священник Н. Горизонт первоначально опасался реакции церковных властей на его намерение и даже постарался это намерение замаскировать под паломничество в Иерусалим, но чистосердечное признание перед преосвященным епископом Тихоном привело к получению благословения на задуманное предприятие. В результате Н. Горизонт отправился в Сербию уже не просто как частное лицо по личной инициативе, а с особым поручением от преосвященного Тихона по доставке к командующему Сербской армией генералу М. Г. Черняеву иконы Божией матери¹⁸.

Но что было делать тем, у кого не было достаточно личных средств для отправки в Сербию? Основным центром организации отправки добровольцев в Сербию были Славянские комитеты. Желающие отправиться на войну подавали в их адрес специальные прошения, стандартный текст которых содержал сообщение о желании поступить в ряды добровольцев и сражаться против турок и просьбу сделать распоряжение об отправлении в Сербию и снабжении деньгами на экипировку и путевые издержки¹⁹. Однако очень многие получали в организациях Славянских комитетов отказ. Такой отказ получил и Е. Коровин, на свои личные средства и, видимо, средства редакции «Саратовского справочного листка» добравшийся до Одессы, где сразу же поспешил обратиться в местное отделение Славянских комитетов²⁰. Е. Коровин не сообщал

о причинах отказа, но в тексте Н. Горизонтова сохранились запомнившиеся ему случаи отказов Московского Славянского комитета: причины могли быть связаны с отсутствием формально необходимых документов (например, свидетельств о совершеннолети, о трезвости и т. п.) и военного опыта в прошлом. Сам Н. Горизонтов встретил в Московском славянском комитете хорошее к себе расположение, но оно возникло только после того, как он упомянул о порученной ему миссии по доставке иконы генералу Черняеву²¹.

Те, кто получили от Славянских комитетов отказ, могли попробовать искать другие, не вполне законные, пути отправки в Сербию. Другие пути искал и Е. Коровин, которому посоветовали обратиться к «бывалому человеку», некоему хозяину табачной лавочки, известному всем болгарам и сербам в Одессе. В нескольких словах корреспондент саратовской газеты обрисовал «местное славянское общество», при посредничестве которого в Одессе была собрана и отправлена в Сербию целая группа добровольцев, в составе которой он и оказался. Е. Коровин не мог скрыть того факта, что не все в этой группе были «приятными компаньонами»²². Фактически свидетельство саратовского добровольца дает информацию об имевшем место, помимо официально признанной деятельности Славянских комитетов, нелегальном формировании отдельных добровольческих военных отрядов и группировок местной диаспорой этнических славян.

Следует предположить, что о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться русским волонтерам при отправке в Сербию, в России, и в том числе в Саратове, знали. Более того, в Саратове была предпринята отдельная инициатива по отправке добровольцев. По сообщению «Саратовского справочного листка» 16 августа 1876 г. состоялось заседание местного отделения Общества попечения о больных и раненых воинах под председательством саратовского губернатора М. Н. Галкина-Враского. Губернатор предложил создать отдельный саратовский отряд добровольцев и для этого сформировать специальную комиссию по отправке добровольцев в Сербию на финансовые средства Общества. Предложение объяснялось следующим образом: «В Саратове во все это время являлось множество охотников ехать в Сербию для поступления в действующие войска. Некоторые из них, имевшие свои скудные средства, уже отправились. Большинство же обращалось к разным членам Общества, прося вспоможения»²³.

На заседании Общества попечения о больных и раненых воинах была озвучена численность обратившихся с такого рода просьбой лиц: 200 чел., из которых 50 были отставными солдатами. Уже 12 сентября 1876 г. отряд в составе 17 волонтеров отправился из Саратова со станции железной дороги. На вокзале были организованы торжественные проводы. Преосвященный Тихон отслужил

напутственный молебен и произнес воодушевляющую речь. По свидетельству очевидца, «такого стечения народа наш вокзал никогда не видел»²⁴. А «Саратовский справочный листок» сообщал: «Патриотическое воодушевление, которым проникнута была вся эта огромная масса народа, по своему свойству и размеру не имеет ничего себе подобного в летописях нашего города»²⁵.

В содержании всех без исключения записок саратовских добровольцев выделяются такие структурные элементы, как описание предыстории решения стать добровольцем и деталей, связанных с отправкой из России; рассказ о подробностях преодоленного на пути в Сербию маршрута и, наконец, сообщения, непосредственно относящиеся к участию в боевых действиях. При этом нельзя не заметить, что основную по объему часть записок составляет именно описание маршрута движения из России в Сербию, то есть в значительной своей части тексты являются травелогами и в их сюжетно-образной линии преобладает хронотоп дороги.

На пути следования в Сербию саратовским волонтерам встречались разные люди и населенные пункты, на их глазах менялись ландшафты, типы хозяйствования и образ жизни, культурно-бытовые традиции; среди описанных ими русских и зарубежных городов – Одесса, Киев, Кишинев, Галац, Браилово, Парачин, Делиград и Белград. В деталях описаний заметно влияние личностных особенностей авторов записок. Путь священника Н. Горизонтова – все-таки отчасти паломничество и он обязательно фиксирует сведения о церквях и религиозной жизни населения, а путь Н. Серафимовича – это с самого начала военная экспедиция и в его тексте преобладают сцены военной повседневности, описания расположения военных частей, указания на количество орудий и т. п. Во всех путевых заметках присутствуют сюжеты, обусловленные преодолением значительной части маршрута железной дорогой (виды из окна поезда, разговоры с пассажирами). Зачастую авторы записок обнаруживают простые человеческие чувства, среди которых сентиментальная привязанность к малой родине и несколько наивно-простодушное стремление постоянно сравнивать впервые увиденное в далеких краях с тем, что было хорошо известно в Саратовской губернии. Так, Н. Горизонтов находит гостиницы в Киеве хуже саратовских, хотя сам город значительно красивее Саратова. Херсонская губерния напоминает ему степи южной части Саратовской губернии, а саратовским поварам он советует поучиться у румынских и сербских²⁶.

Наибольший интерес для историка, конечно, представляют взгляды авторов записок на славянское население и высказанные ими оценки Сербо-турецкой войны. В этом отношении нужно констатировать эволюцию настроений от первоначального освободительного порыва и общественного энтузиазма к стремлению критически

анализировать реальную ситуацию на Балканах, а в ряде случаев – к разочарованию в итогах участия русских добровольцев в Сербо-турецкой войне. Эффект болезненной переоценки восприятия южнославянской борьбы и понимания исторической роли в ней русского народа был следствием, прежде всего, изначально завышенных балканских освободительных иллюзий в мифологизированном общественном сознании. Славянофильская пропаганда и настоящая «балканская волна» в прессе содействовали распространению этностереотипов в восприятии населения Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины. В российском общественном сознании к середине 1870-х гг. укоренились представления о культурно-религиозном и этнополитическом единстве всех южных славян. Художественно-литературные и визуальные образы славян Османской империи на страницах российской прессы в одно и то же время были представлены как пассивно-страдательные (гонимые, обездоленные, беззащитные, нуждающиеся в помощи России) и активно-героические (отчаянно и самоотверженно сражающиеся за свободу и веру)²⁷.

Знакомство русских добровольцев с социальной действительностью Балкан вносило коррективы в общее понимание ситуации. Выяснялось, что племенное и религиозное родство «братъев-славян» – не более чем миф, и, к примеру, сербы могут недолюбливать болгар. Увиденные жилища и детали быта славян развенчивали миф об их поголовной бедности и обездоленности. Видимо, у читателей «Саратовского справочного листка» вызывало интерес умозаключение безвестного автора «Письма добровольца»: «Не теми красками рисуют Сербию. Это страна богатая, благодатная, с прекрасными видами и... дешевым содержанием»²⁸. Многим русским добровольцам в глаза бросались «восточные» черты быта и культуры славян и тогда их травелоги начинали приобретать элементы, характерные для типично ориенталистских описаний путешествий. Во всяком случае изначально добровольцы были настроены на встречу с «родным», а не «чужим», но атрибуты славянства и православности зачастую вытеснялись картинными «восточных» видов природы, городов, типов населения и т. п. Так, священник Н. Горизонтов был сильно разочарован тем, что не увидел большого уважения к православной обрядности: «...Ехали православную страну освободить, а как приехали – и распознать нельзя, точно ли это православная страна?»²⁹.

Крушение этностереотипов обнаруживается в большом количестве попутных замечаний о сербах, сделанных разными саратовскими добровольцами: «Серб скуп и любит жить особняком», «ленив и груб в понятиях», «общественные дела делает плохо»³⁰. Но особенно болезненно себя проявило и даже приводило к трагическим последствиям несоответствие распространенного стереотипа о героизме славянской борьбы с реаль-

ным поведением на войне непрофессиональных воинов. Русские офицеры ожидали от сербских солдат самоотверженной героической борьбы и в то же время дисциплины, готовности выполнять приказы. Но непрофессиональные воины, вчерашние крестьяне, не были готовы отдавать жизнь и их поведение зачастую расценивалось русскими добровольцами как трусость и предательство. На страницах их записок появляется выражение «сербы стреляют в русских». Дело было в том, что сербы старались открывать огонь, видя турецкие войска еще издалека, боялись близкого боя, разбегались при атаках. При этом русские офицеры в стремлении увлечь толпу бросались вперед и могли в такой ситуации стать жертвами плохо направленной пули какого-нибудь сербского солдата. Впрочем, видимо, имели место и случаи целенаправленного убийства сербами русских офицеров при попытке удерживать их, когда они обращались в бегство³¹.

Разумеется, была и обратная сторона. Сербские ожидания тоже не во всем совпадали с реальностью при встрече и совместной борьбе с русскими добровольцами. В Сербии хотели увидеть приехавших к ним на помощь сильных, благородных и состоятельных русских, готовых к бескорыстным подвигам. Но поиздержавшиеся в дороге добровольцы сами нуждались в деньгах и надеялись на некоторое вознаграждение от сербского правительства³². Кроме того, состав добровольцев из России был разнородным и некоторые из них отличались недостойным поведением. Примечательно, что эти факты не пытались скрывать от читателя добросовестные авторы записок. К примеру, Н. Горизонтов упоминал националистические выходки против евреев, турецких мулл в Сербии, грубое поведение и дебоширство в гостиницах³³.

Г. И. Успенский, прибывший в армию генерала М. Г. Черняева за несколько дней до ее разгрома под Джунисом, так описывал обстановку в рядах добровольцев: «...Возвращающиеся с поля битвы раздражены, оскорблены, обижены, недовольны тысячами вещей и лиц. Можно положительно сказать, что из всех приехавших в Сербию русских, в настоящую минуту не было ни одного, кто бы сказал о ком-нибудь хоть одно доброе слово, хотя каждый очень хорошо знает, что доброе слово можно и должно сказать о многом и о многих»³⁴. Тем не менее в записках саратовских добровольцев нельзя встретить такой констатации полного разочарования русских участников Сербо-турецкой войны 1876 г. Этот факт объясняется хронологией создания текстов (они относятся к начальному периоду войны) и их незавершенностью. Содержание записок саратовских добровольцев в целом дает яркую характеристику общественных настроений в России и роли добровольческого движения 1876 г. в качестве предыстории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Примечания

- ¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 427. Оп. 1. Д. 14. Л. 2 об.
- ² См.: Кузьмичева Л. В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М. : Наука, 1981. С. 77–98.
- ³ См.: Григорьев И. М. Участие добровольцев Среднего Поволжья в национально-освободительном движении южных славян (1876 год) // Революционное движение в Среднем Поволжье и Приуралье : науч. тр. Куйбышев : Куйбышев. кн. изд-во, 1977. Вып. 1. Т. 183. С. 18–25.
- ⁴ См.: Кочуков С. А. Русские добровольцы на Балканах в зеркале графики (1876 г.) // Славянский сборник : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Наука, 2015. Вып. 12. С. 90–101.
- ⁵ См.: Шепелева А. Ю. Добровольческое движение из поволжских губерний в Сербию в сербско-черногорско-турецкую войну 1876 г. // Изв. Самарского науч. центра Российской Академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 370–373.
- ⁶ См., напр. : Русские о Сербии и сербах. Т. 1 : Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст. А. Л. Шемякина. СПб. : Алетей, 2006.
- ⁷ См.: Славин И. Я. Памяти саратовских добровольцев // Волга. 1911. № 162 (3 авг.).
- ⁸ См.: На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 162 (1 авг.) ; № 172 (14 авг.) ; № 188 (4 сент.).
- ⁹ См.: С театра войны. Из записной книжки волонтера // Саратовский справочный листок. 1876. № 203 (24 сент.) ; № 204 (25 сент.).
- ¹⁰ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.) ; 1877. № 1 (1 янв.) ; № 15 (20 янв.) ; № 38 (19 февр.) ; № 65 (25 марта) ; № 108 (27 мая) ; № 109 (28 мая) ; № 110 (29 мая) ; № 127 (18 июня).
- ¹¹ См.: Записки добровольца // Саратовский справочный листок. 1876. № 272 (17 дек.).
- ¹² См.: Письмо добровольца из Саратова // Саратовский справочный листок. 1876. № 183 (28 авг.).
- ¹³ Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ¹⁴ На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 162 (1 авг.).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ¹⁷ С театра войны. Из записной книжки волонтера // Саратовский справочный листок. 1876. № 203 (24 сент.).
- ¹⁸ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ¹⁹ Подробнее см.: Кочуков С. А. Указ. соч. С. 92–93.
- ²⁰ См.: На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 162 (1 авг.).
- ²¹ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1876. № 264 (8 дек.).
- ²² На пути в Сербию // Саратовский справочный листок. 1876. № 172 (14 авг.).
- ²³ Саратовский справочный листок. 1876. № 175 (18 авг.).
- ²⁴ Славин И. Я. Памяти саратовских добровольцев // Волга. 1911. № 162 (3 авг.).
- ²⁵ Саратовский справочный листок. 1876. № 195 (14 сент.).
- ²⁶ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. 1877. № 1 (1 янв.).
- ²⁷ Подробнее см.: Кочукова О. В. Поэтические образы освободительной войны России на Балканах (по материалам журналов 1870-х гг. «Нива» и «Пчела») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия. История. Международные отношения. 2019. Вып. 2. С. 142–144. DOI: <http://doi.org/10/18500/1819-4907-2019-19-2-141-146>.
- ²⁸ Письмо добровольца из Саратова // Саратовский справочный листок. 1876. № 183 (28 авг.).
- ²⁹ Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 108 (27 мая).
- ³⁰ Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 110 (29 мая).
- ³¹ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 127 (18 июня).
- ³² См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 109 (28 мая).
- ³³ См.: Путевые заметки на пути в Сербию и обратно // Саратовский справочный листок. № 65 (25 марта).
- ³⁴ Успенский Г. И. Из Белграда (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 172.

Образец для цитирования:

Кочукова О. В. Записки саратовских добровольцев – участников Сербо-турецкой войны 1876 г. как исторический источник // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 252–257. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>

Cite this article as:

Kochukova O. V. Notes of Saratov Volunteers – the Participants of the Serbian-Turkish War of 1876 as a Historical Source. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 252–257 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>